К ПУБЛИКАЦИИ ПЕРЕВОДА РАБОТЫ ДЭВИДА ЮМА «ПИСЬМО ДЖЕНТЛЬМЕНА ЕГО ДРУГУ В ЭДИНБУРГЕ»

В. В. Васильев

Предлагаемая вниманию работа имела интересную судьбу. Написанная в 1745 г., она долгое время считалась утерянной и лишь в середине 60-х годов нашего века была найдена в одной из частных библиотек, приобретена Национальной Библиотекой Шотландии и в 1967 г. опубликована.

Письмо было написано Юмом с целью повлиять на членов городского совета Эдинбуга при принятии решения о назначении профессора кафедры этики и пневматической философии. В 1744 г., когда встал вопрос о замещении вакансии, мэр Эдинбурга лорд Кэттс предложил Юму занять кафедру этики в Эдинбургском университете. Окончательное решение однако, по разным причинам откладывалось, и шансы Юма постепенно таяли. На отношение к Юму членов городского совета, несомненно, повлиял отрицательный отзыв о нем одного из самых известных философов того времени в Шотландии — Фрэнсиса Хатчесона, считавшего, что Юм не подходит к этой должности. Такой отзыв стал большой неожиданностью для Юма, который, напротив, рассчитывал на поддержку уважаемого им профессора из Глазго. Среди других причин помешавших Юму занять кафедру, были неустойчивое положение мэра в городском совете, где он не пользовался поддержкой большинства, и то что взгляды Юма, изложенные в «Трактате о человеческой природе», при соответствующей интерпретации могли быть сочтены опасными для общественной морали. Попытку такой интерпретации предпринял принципал (ректор) Эдинбургского университета Висхарт. По-видимому, в начале мая 1745 г. он написал небольшой памфлет, состоящий из двух частей, первая из которых содержит в основном цитаты из «Трактата», а во второй обвинения в адрес Юма представлены в обобщенном виде. Юм включил этот памфлет в «Письмо» в том виде, в каком он был передан ему лордом Кэттсом, которому, кстати, оно и адресовано.

Работа написана 8 мая 1745 г., 21 мая она была опубликована, но это уже никак не могло повлиять на исход выборов. Кандидатура Юма даже не ставилась на голосование, которое состоялось 5 июня того же года. Интересно, что в последний момент Кэттс выставил кандидатуру Висхарта, но и она не прошла[1]; на должность профессора моральной философии был избран Клехорн, помощник занимавшего этот пост до 1744 г. Джона Прингла.

Касаясь содержания «Письма», уместно обратить внимание на некоторые аспекты представляющие интерес с историко-философской точки зрения. Отвечая на обвинения в скептицизме, Юм подчеркивает, что цель его изысканий — показать несамодостаточность теоретического разума. В частности, разум не способен доказать необходимость существования причины для каждого явления, а поскольку закон причинности лежит в основе всех человеческих действий, то возникает вопрос о его источнике. Таким источником оказывается некоторая субъективная склонность, привычка. Юм выделяет четыре вида достоверного знания: интуитивное, демонстративное, чувственное и моральное, причем специально оговаривается, что они равноправны. «Моральные доказательства могут быть столь же достоверными, как и математические». Подобный вывод должен был неизбежно повлечь вопрос об источнике моральной достоверности. В самом деле, моральные заключения основаны на привычке, но последняя — не более чем субъектив-

ный принцип; почему же он может с необходимостью применяться к явлениям? Юм отвечает на этот вопрос тремя годами позже, в «Исследовании о человеческом познании», где он выдвигает теорию, согласно которой существует предустановленная гармония между законами мира явлений и последовательностью наших идей. Именно предустановленная гармония превращает субъективный принцип в объективный и необходимый[2].

По поводу обвинения в атеизме Юм говорит, что он отвергает лишь априорное доказательство бытия Бога, предложенное доктором Кларком, все же остальные аргументы подобного рода (не говоря уже об апостериорных аргументах) остаются в силе. Юм имеет в виду, в частности аргумент Декарта, но какой именно? В западной историко-философской литературе до недавнего времени дискутировался вопрос о том, читал ли Юм какие-нибудь произведения французского философа. Споры прекратились в 1963 г., когда было найдено письмо Юма Рамсею, в котором он рекомендует своему другу ознакомиться с некоторыми философскими работами, в числе которых «Метафизические размышления»[3]. Центральное место в «Метафизических размышлениях» принадлежит онтологическому аргументу, и поэтому логично предположить, как это и делает, например, Е. Мосснер[4], что, говоря о «надежном» аргументе Декарта, Юм имеет в виду именно онтологическое доказательство. Это подтверждается еще и тем, что неприятие Юмом аргумента Кларка, представляющего собой развновидность космологического доказательсва, основано на отрицании априорной значимости закона причинности, тогда как онтологический аргумент обходится без привлечения данного отношения. С другой сторны, неясно, как совместить онтологический аргумент с отрицанием Юмом способности бытия быть предикатом. Кроме того, в «Диалогах о естественной религии» Юм утверждает, что «нет бытия, существование которого могло бы быть демонстративно доказано», так как все существующее мы можем представить несуществующим. В ответ же на возражение, что сущность Бога такова, что из нее с необходимостью вытекает существование, Юм замечает, что говорить так можно лишь зная эту сущность но такое знание недостижимо для человека[5]. Можно предположить, что определение сущности Бога как совокупности всех совершенств не устраивало Юма, так как оно именно в силу того, что бытие не есть предикат, ничего не прибавляет к знанию о его существовании. Таким образом, онтологический аргумент также неприемлем для Юма. Возможно, что Юм ссылается на Декартово доказательство, исходящее из наличия у человека идеи совершенства, но не исключено, что он просто хотел обезопасить себя, заручившись поддержкой Декарта, хотя для последнего мнения, как представляется, все же нет достаточных оснований. Что же касается апостериорных доказательств бытия Бога, то Юм всегда считал их вполне убедительными.

Интересен ответ Юма на обвинение в отрицании нематериальности души. Уже в приложении к «Трактату о человеческой природе» он, по сути дела, отказался от понимания души как пучка восприятий и в то же время не предложил никакой новой теории[6]. Не сделал этого он и в «Письме», но любопытно, что здесь Юм говорит об отсутствии принципиальных расхождений во взглядах на природу души между ним, Локком и Беркли. Это может являться косвенным свидетельством направления эволюции взглядов Юма в данном вопросе.

[1] Должность профессора была более почетной и высокооплачиваемой, чем должность ректора. *Hume D.* A Letter from a Gentleman to his Friend in Edinburgh, 1967 // Mossner. Introduction.

[2] *Юм Д.* Соч.: В 2 т. М., 1966. Т. 2. С. 57.
[3] Archiwum Historii Filozofii i Mysli Spoleczney IX. Warszawa, 1963. P. 133. Кроме «Метафизических размышлений», Юм рекомендует Рамсею прочитать «Разыскания истины» Мальбранша, «Принципы человеческого знания» Беркли, а также статьи «Зенон» и «Спиноза» из «Словаря» Бейля.
[4] *Hume D.* A Letter a Gentleman to his friend in Edinburg, 1967, P. 38.
[5] *Юм Д.* Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 517—518.
[6] Там же. Т. 1. С. 396—399.

ПИСЬМО ДЖЕНТЛЬМЕНА ЕГО ДРУГУ В ЭДИНБУРГЕ,

содержащее некоторые замечания по поводу «Примеров принципов, касающихся религии и морали», которые (как утверждается) содержатся в ранее опубликованной книге «Трактат о человеческой природе» (Эдинбург, 1745)

Сэр, я прочитал «Примеры принципов касающихся религии и морали», которые, как утверждается, содержатся в ранее опубликованной книге «Трактат о человеческой природе», являющейся попыткой применить экспериментальный метод к моральным объектам. Я также прочитал так называемую «Сумму обвинений». Как вы сообщили, эти работы усердно распространялись и попали к вам несколько дней тому назад.

Я был убежден, что шумные обвинения в *скептицизме*, *атеизме* и т. д. столь часто использовались худшими из людей против наилучших, что в настоящее время они не имеют никакого влияния; и никогда бы не подумал о том, чтобы делать какие-либо замечания по поводу этого [собрания] искаженных цитат, если бы вы меня об этом настойчиво не попросили, как дань простой справедливости к автору и для того, чтобы вывести из заблуждения тех благонамеренных людей, которые, видимо, оказались под впечатлением от столь тяжких обвинений.

Я полностью приведу обвинения, а затем последовательно [рассмотрю] так называемую «Сумму обвинений», так как подразумевается, что она содержит существо их всех. Попутно я буду обращать внимание и на «Примеры».

Примеры положений, касающихся религии и морали и т. д.

Автор помещает на титульный лист (т. 1 отпечатан в типографии Нуна, в 1739) следующее высказывание Тацита: «Редкое счастье [выпало на долю] нашего времени, можно думать, что хочешь и говорить, что думаешь».

Он выражает свое уважение к публике в следующих словах (предисловие, п. 2)[1]. «Одобрение публики я считаю *величайшей* наградой за свои труды, но я настроен рассматривать ее приговор, *каким бы он ни был*, как *лучшее* из наставлений».

Он дает общий обзор своей философии на страницах 458—470: «Я смущен, что оказался в одиночестве благодаря своей философии» (458). «Я вызвал к себе неприязнь всех метафизиков, логиков, математиков и даже теологов [...] Я заявил, что неудовлетворен их системами [...] Обращая взор